

Н.В. Сорокина

ТВОРЧЕСТВО Л.М. ЛЕОНОВА 1920-Х ГОДОВ В ОЦЕНКЕ КРИТИКОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

Нынешнее время характеризуется корректировкой, переосмыслением, дополнением истории русской литературы XX в. Немаловажную роль в этом играют открывающиеся доступные источники работ писателей и критиков русского зарубежья. Идет собирание и начальная систематизация литературно-критического наследия русской эмиграции¹. Еще не все издававшееся за рубежом стало сегодня общедоступным материалом.

Л.М. Леонов принадлежит к признанным классикам русской литературы XX в., чье литературное наследие было и остается в поле пристального внимания отечественных и зарубежных литературоведов. Не обойдены стороной его проза и драматургия в оценках и представителей литературной эмиграции 1920–30-х гг. Критики-эмигранты старались прилагать ко всем произведениям советской литературы «критерий аполитической оценки» [1, с. 139]. Ю. Айхенвальд, известный независимой импрессионистской манерой оценивания художественной литературы, подчеркивал, что Л. Леонов представляет ту советскую литературу, которая «не искажена тенденциозностью» [2, с. 213]. Отчасти именно поэтому они нередко обращались к анализу произведений Л. Леонова, в котором видели человека, осторожно и неоднозначно относящегося к переменам в общественно-исторической жизни России, обращаясь к вечным, не временным вопросам бытия.

Даже если авторы не посвящают творчеству Леонова отдельных монографических книг и статей, то в обзорных работах непременно упоминается имя писателя в ряду самых замечательных художников эпохи. Писатель единодушно признавался талантливым автором, способным не только продолжить традиции русской классики XIX в., но и определенным образом наметить перспективы развития словесного искусства века XX.

Так, М.А. Осоргин в обзоре «Российские журналы» из литературной молодежи 1920-х гг., печатавшей свои прозаические произведения на страницах «Крас-

ной нови» и «Русского современника», отличает И. Бабеля и Л. Леонова. Каждому из названных писателей критик посвящает отдельный абзац своей обзорной статьи, но о Леонове говорит еще и особо, видя в нем не только преемника лучших традиций классики (об этом М. Осоргин говорит в основном при беглом анализе ранних рассказов Л. Леонова), но и талантливого художника нового времени: «Несомненно одно: Леонов в нынешней российской литературе единственный типолог, и это сразу делает его продолжателем линии классической литературы. <...> С меньшей смелостью, чем литературные вояки, он идет за революцией, но интересуют его не огни будущего, а сложный органический процесс настоящего, и пока другие ищут глазом маяк, он ухом припадает к родной земле, стонущей в муках смерти и рождения. Как бы ни относиться к еще немногому, написанному Леоновым, но, кажется, лишь на него можно указать как на наметившуюся надежду русской литературы, не сегодняшней, а большой, настоящей» [1, с. 138].

Д.П. Святополк-Мирский в статье «О нынешнем состоянии русской литературы» называет Л. Леонова «мастером с большими данными, но не нашедшим “содержания”» [3, с. 390]. К.В. Мочульский относит стиль Замятина, Леонова, Бабеля, Зощенко (писателей «многообещающих, несомненно талантливых») к сказовой манере, идущей «от “вяканья” протопопы Аввакума, через Лескова к Ремизову», и признает его «самым жизненным и значительным изо всех течений современности» [4, с. 21]. П.П. Муратов называет Л. Леонова «в своем роде бесспорно талантливым, настоящим писателем» [5, с. 191]. К.А. Чхеидзе, делая обзор современной русской литературы, определяет леоновские романы «Барсуки» и «Вор» как «вещи, в доброкачественности которых сомнения не возникает» [6, с. 382]. Роман «Барсуки» Леонова, по мнению Ю.И. Айхенвальда, «является новым подтверждением выдающейся талантливости» писателя [7, с. 210].

¹ На сегодняшний день уже есть некоторые специальные публикации материалов, содержащих отклики эмиграции на события литературной жизни России XX в.: изданы, например, двухтомник «Русское зарубежье о Есенине. Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи» (М., 1993); сборник «Шолохов и русское зарубежье» (М., 2003). Появились и исследовательские работы (правда, в данном случае большее внимание уделяется оценкам писателей XIX в.). См.: Пономарёв Е.Р. Л. Толстой в литературном сознании русской эмиграции 1920–1930-х годов // Русская литература. 2000. № 3; Воропаев В.А. Гоголь в критике русской эмиграции // Там же. 2002. № 3; Бодров В.А. Творчество Е.И. Замятина в восприятии критики русского зарубежья 1920-х годов // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: В 11 кн. Кн. 11. Тамбов, 2003; Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. М., 2003; Ревякина И.А. М. Горький в критике и публицистике русского зарубежья. 1920-е гг. // Максим Горький и литературные искания XX столетия. Горьковские чтения-2002. Н. Новгород, 2004 и другие.

Однако леоновiana русской эмиграции исследована еще очень мало. Среди работ, пожалуй, только одна статья Л.Ф. Алексеевой² посвящена анализу отношения одного из ярких критиков Серебряного века и русской эмиграции к творчеству Л. Леонова. Высказывания критиков-эмигрантов о писателе не введены в активный научный оборот.

Наиболее обстоятельны о Л. Леонове работы Ф.А. Степуна, Г.В. Адамовича, М.Л. Слонима, которые посвятили писателю отдельные монографические статьи. Основные положения их работ и служат предметом данного обзора, представляющего одну из первых и, по понятным причинам, далеко не совершенную и полную попытку осмысления критического восприятия русской эмиграцией прозы Леонова 1920-х – ранних рассказов, романов «Барсуки» (1924), «Вор» (1927), «Соть» (1929).

Ф.А. Степун, внимательно следивший за культурными событиями в России, видел в творчестве Л. Леонова олицетворение ведущих перспектив развития советской литературы. Обложка его книги «Встречи» (Мюнхен, 1962; второе издание Нью-Йорк, 1968) содержит перечисление писательских имен, о которых критик предполагает говорить в сборнике: Достоевский, Л. Толстой, Бунин, Зайцев, Вяч. Иванов, Белый, Леонов. Каждому из названных писателей Ф. Степун посвящает отдельную статью (Достоевскому и Бунину даже по две работы). Но в содержании книги специального раздела, посвященного Леонову, нет. Ф. Степун анализирует его творчество в статье «Советская и эмигрантская литература 20-х годов», венчающей книгу «Встречи». Данный факт говорит о больших надеждах, которые критик возлагает на «самого, быть может, талантливое и чуткое к современности автора советской России» [8, с. 195], имевшего, по его мнению, право представлять всю литературу нового времени. Общим принципом, с позиций которого Ф. Степун рассматривает настоящую литературу, а не «агитмакулатуру», является не тенденциозность и ярое отстаивание новой морали, а глубинный поиск «смысла взрыва всех смыслов, смысла выхода русской жизни за пределы самой себя, смысла неосмысливаемости всего происходящего гибелью буржуазного строя и насаждением коммунистического» [8, с. 192].

Примечателен тот факт, что Ф. Степун строит свои размышления на параллельном анализе статьи А.К. Воронского о Леонове. Этого советского критика он считает «гораздо более тонким и чутким», нежели напостовцы и даже соратник Воронского

А. Лежнев³. Однако с большинством положений статьи Воронского Степун не согласен. Он даже высказывает достаточно резкую в эмоциональном плане мысль о некомпетентности критика: «Не подлежит ни малейшему сомнению, что если бы душу и талант Леонова отдать в починку А. Воронскому, то он окончательно загубил бы его» [8, с. 197]. Ряд антитез позволяет Степуну показать явные противоречия между мировоззрением писателя и критика: «Леонов весь от реального, творческого безумия революции, а Воронский – от ее фиктивного разума. Леонов пишет о том страшном, что в революции случилось с Россией, а Воронский хочет, чтобы Леонов писал о том пошлом, что большевики силились и силятся сделать с Россией» [8, с. 197–198]. В этом противостоянии Степун видит некий знаковый смысл, показывающий состояние взаимодействия в советской России всей литературы и критики.

Авторская преамбула к сборнику «Встречи», составившемуся на протяжении почти сорока лет, написана перед непосредственным выходом книги. Поэтому в ней дается некий общий взгляд с высоты прожитых лет, когда Леоновым написаны не только рассказы, о которых идет речь в заключительной статье сборника. В предисловии критик вспоминает о личных встречах с писателем, при которых в Леонове сразу же угадывался «большой и какой-то неожиданно новый по своему звуку талант» [8, с. 9]. Роман «Вор» критик называет «вещью совершенно замечательной», подчеркивая ее «нравственный вес и глубину защиты человека от революции» [8, с. 10]. Мнение Степуна 1960-х гг. меняется: «За всем, что впоследствии писал Леонов, я внимательно следил – с любовью и надеждой, что он отстоит себя. В том, что ему это не удалось, сомневаться не приходится. Осуждать его, обвинять я не смею, но не скорбеть, что он переделал своего “Вора”, все же не могу»⁴ [8, с. 10].

Некая разочарованность в творчестве Леонова 1930-х гг. присутствует и в откликах Г.В. Адамовича. Один из самых значительных литературных оценщиков первой волны русской эмиграции, он постоянно следил за творчеством Леонова, откликался почти на каждое произведение писателя. Романами «Вор», «Соть», «Скутаревский», «Дорога на Океан» Г. Адамович посвятил отдельные статьи⁵.

Развернутой статье Г. Адамовича о романе «Вор» сначала предшествовала небольшая заметка в журнале «Звено», цель которой – привлечь внимание читателя к новому произведению. Короткая рецензия

² См.: Алексеева Л.Ф. Ю. Айхенвальд о Л. Леонове // Русская литературная классика XX века. В.В. Набоков, А.П. Платонов, Л.М. Леонов. Саратов, 2000. С. 208–216.

³ Литературный портрет Леонова, созданный А.К. Воронским, в отечественном литературоведении относят к одной из ярких и пронизательных работ о писателе. См. об этом подробнее [9, с. 15–22].

⁴ Вторая редакция «Вора» создана Л. Леоновым в 1957–1959 гг.

⁵ Свои рецензии на леоновские произведения Г. Адамович публиковал в газете «Последние новости». См.: Последние новости. 1928. 12 апр. № 2577; 1931. 22 янв. № 3592; 1933. 5 янв. № 4306; 1936. 29 окт. № 5697.

заканчивалась словами: «Мне много приходится читать новых романов и повестей. Среди книг, присылаемых из России, за последние годы попадаются увлекательные, живые, умные, – и честные, т.е. без подхалимства. Они читаются с удовольствием. Но знаете ли вы радость возвращения домой, торопливость вернуться, когда ждет дома настоящая книга – не Ersaltz – и когда в этой книге какой-то новый мир раскрывается? Это не удовольствие – это совсем другое. Очень редко испытывает теперь человек это чувство, все реже и реже, – и, кажется, Леонов один из тех немногих писателей, которые могут нам это подлинное “наслаждение” вернуть» [10, с. 341–342].

Последнее на сегодняшний день издание литературно-критических работ Г. Адамовича в рамках собрания сочинений [11] открывается статьей «Оправдается ли надежда?», посвященной роману Л.М. Леонова «Вор». Уже заглавием проблемной статьи критик утверждает, что в лице Леонова советская литература имеет несомненный талант, и выражает надежду, вполне осознавая, что в литературе вряд ли можно все предсказать с точностью, на дальнейшее успешное развитие Леонова-художника. Первая страница отзыва посвящена утверждению своеобразной роли, которую играет Леонов в современной литературе. Г. Адамович не скупится на похвалу: «Но сразу хочу сказать, что такой надежды у нас давно не было, и давно уже не встречалось нам дарование живое, полное силы и прелести. <...> ...Ни Бабель, ни Всев. Иванов, ни Булгаков или Федин не могли бы написать “Вора”, – или подняться до художественного уровня этого романа. Среди “молодых” у Леонова сейчас соперников нет» [12, с. 29].

Как и Ф. Степун, Г. Адамович отталкивается от советской критики, признавая талант Воронского («человека неглупого и небездарного, хотя чрезвычайно упрощающего вопросы литературы и искусства» [12, с. 30]) в сравнении с другими. Упрек Воронского Леонову в «идеологической невыдержанности» Адамович превращает в похвалу, приветствуя то, что писатель «гораздо больше занят душой человека, чем пропагандой коммунизма» [12, с. 31]. Это положение ставит леоновских героев в ряд непреходящих персонажей. Мысль о душе человека как вечном предмете истинного искусства делает Леонова истинно русским, без политических ярлыков, писателем.

Дав общую краткую характеристику содержания романа, Адамович говорит об образах героев. Главный герой, по мнению критика, «образ не совсем отчетливый, но задуманный глубоко», «остальные лица яснее» [12, с. 34]. Одним из самых удачных по выразительности и законченности эпизодов романа называет сцену гибели Геллы Вельтон. Введение в систему персонажей Фирсова как героя-сочинителя считает неоправданным художественным приемом, выражающим «прихоть времени» к усложненности конструкции.

Доверие вызывали рассказы писателя, роман «Барсуки», не во всем совершенный. «Вор» же «доверие удваивает» [12, с. 32]. Критик в свое время бегло предсказал возможность детального рассмотрения типологических сопоставлений в творчестве двух великих художников: «Никакой параллели между Достоевским и Леоновым я не провожу... Но нет ничего невозможного, что когда-нибудь эта параллель будет проведена. И, повторяю, Леонов единственный из молодых писателей, о ком можно подобные слова сказать» [12, с. 32–33].

На протяжении всего отклика Адамович несколько раз подчеркивает русскость созданных автором образов. Из дневника Манюкина он цитирует строки именно о России. Ностальгические нотки и радость лишнего прикосновения к Отечеству видна в отзыве Адамовича. Финал статьи возвращает читателя к главной мысли Адамовича – о безусловном росте таланта Леонова, которому нет еще и тридцати лет, и надежде на него всей литературной России – отечественной и зарубежной: «Поблагодарим за “Вора”, этот нечаянный подарок, запомним имя Леонова, – и будем ждать его новых книг» [12, с. 36].

Однако появление новых книг Леонова не оправдало возложенной на него надежды. Рецензию на «Соть» Адамович сознательно начинает с отсылки к своей предыдущей статье о «Воре», в которой была высказана огромная вера в талант Леонова: «Вор» был огромным обещанием. Забегая вперед, скажу сразу, что новая вещь Леонова «Соть» разочаровывает. Обещания автор пока не сдержал» [12, с. 426]. Если недочеты в «Воре» были простительны из-за молодости автора, то каждое следующее произведение просто обязано быть более совершенным. В случае с «Сотью» этого не произошло: автор поддался общим официальным настроениям, изображая строительный энтузиазм масс. Этим Леонов, по мнению Адамовича, встал в один ряд с другими сотнями советских художников. Практически вся первая половина статьи насыщена словами разочарования и некоторой обиды за несостоявшийся художественный рост писателя и его идейную ориентацию. Критик пытается найти даже в этом романе черты прежнего Леонова, поэтому постоянно делает оговорки, прибегая к помощи вводных конструкций, выражающих различную степень уверенности: «Правда, Леонов то и дело рвется и вырывается на волю из поставленных им самим себе рамок» [12, с. 427]; «Он-то уж, конечно, не верит советским мудрецам» [12, с. 428].

Схематичное изложение содержания «Соти» продолжает цитирование наиболее интересных фрагментов. Для Адамовича таковыми, как и в «Воре», являются рассуждения о судьбе России и человечества в целом, содержащиеся в речах Виссариона, Бурого.

Недостатки «Соти», связанные в первую очередь с упрощенным взглядом на действительность, влекут за собой и недоработки в плане художественного

воплощения: «Роман развивается гладко и медленно, без обычного леоновского напряжения. <...> Леонов промолчал в “Соти” о всем том, что – судя по предыдущим его произведениям – больше всего его занимает и волнует. “Соть” – не то, далеко не то, чего от Леонова мы ждали» [12, с. 432]. Ноты сожаления часто проскальзывают и в других обзорах критика. Например, в статье «О литературе в эмиграции» он пишет: “Соть” Леонова, например, – прекрасный и местами глубокий роман, – грубее его предыдущего произведения “Вор”» [13, с. 51]. Г. Адамович предостерегал писателя и от излишних «вывертов», призывая к простоте изложения, так необходимой для ясного понимания смысла произведения: «Очень жаль, что московские читательские массы не понимают Леонова, а понимают бездарного Гладкова. Полезнее все-таки было бы понять хоть немного у первого, чем все – у второго» [14, с. 41].

Но Г. Адамовичу не хочется верить, что таким образом в Леонове угасает огромный талант. Прекрасно понимая, что позиция «издалека» не дает полноценного основания осуждать автора, критик подытоживает: «Но это все-таки книга замечательная, – и во всяком случае не разубеждающая нас в том, что по силе даже у Леонова среди молодых русских романистов сейчас нет соперников» [12, с. 432]⁶. Подобный вывод прозвучит и в более поздней статье: «Когда-то, непосредственно после “Барсуков” и “Вора”, казалось, что Леонов призван стать выразителем настроений и, как говорится, “чаяний” целого поколения. Обещаний он не сдержал, но все-таки именно к его книгам обратится, вероятно, в будущем человек, который захочет понять и уловить “дух, судьбу, ничтожество и очарование” русской литературы революционных лет» [16, с. 67].

В предисловии к циклу из тринадцати литературных очерков «Портреты советских писателей» (Париж, 1933) М.Л. Слоним пояснил свою задачу так: «В настоящей книге я не пытаюсь изложить и оценить все изменения, произошедшие в нашей словесности за время революции. Я не пишу истории советской литературы и не могу поэтому рассматривать те естественные влияния или искусственные воздействия, предметом которых она была в эти годы. Моя задача более ограничена: дать характеристики ряда видных представителей русской поэзии и прозы последнего пятнадцатилетия» [17, с. 5].

Очерк о Леониде Леонове завершает сборник. Эта работа, единственная в книге, сразу начинается не с разбора конкретных произведений, а с общего взгляда на новую литературу и проблему сохранения в ней классических традиций. Его творчество, наряду

с книгами Федина, Олеси, критик относит к большой литературе. М. Слоним называет писателя продолжателем заветов русского романа и видит именно в Леонове создателя психологического романа в духе Достоевского и Толстого, но свободного «от скучного бытовизма и от нелепой тенденциозности большинства произведений современной русской прозы» [17, с. 152]. Несмотря на все многообразие воздействий на писателя, по мнению критика, он обладает своей определенно выраженной индивидуальностью. Она прежде всего проявляется в том, как Леонов подходит к тому, что изображает: он «переносит в эпическое повествование приемы поэтического стиля, с его лирическим волнением и пышными украшающими эпитетами» [17, с. 153].

Основное внимание писателя, как подчеркивает М. Слоним, сосредоточено на изображении человека в годы революционных изменений. При этом важнее всего оказывается именно личность, а не события: «...ставил Леонов вопрос о смысле революции... <...> ...Не есть ли революция – столкновение этого железного хода событий с мягкой и погибающей душевностью человека?» [17, с. 155]. Именно этот вопрос волнует писателя в рассказах «Конец мелкого человека», «Петушихинский пролом». Внимание к человеческому фактору дорого М. Слониму и в романе «Барсуки»: «Быть может, он несколько неровно сложен, этот роман, в котором имеются чисто художественные неудачи, несмотря на всю его увлекательность, свежесть и яркость сюжета. Но это чуть ли не первый роман, который попытался охватить революцию в целом и начертать ее пути не в виде голых обобщений, а в живых обликах людей. <...> Повышенный интерес к человеку, выставление на первый план именно душевной его жизни... были вновь в русской пореволюционной литературе. Еще более усилился этот мотив психологизма и индивидуализма в следующем романе Леонова “Вор”» [17, с. 156, 157–158]. Всех леоновских героев объединяет тяга и одновременное отсутствие ориентира в жизни, «поводыря» – идеи, дающей смысл жизни. Именно в этом состоит трагедия Митьки Векшина. Писатель заставляет и персонажей и читателей постоянно задумываться о «тайных корнях человека».

М. Слоним обратил внимание на общечеловеческий, а не только на узко социальный смысл включенной в роман легенды о Калафате: «Калафатово начало – это начало слепой механистичности, убивающей и природу и человека, это обезображение жизни клеймами и рогатками принуждения. И против оков калафатовских, перекликаясь с Толстым и Есениным, выдвигает Леонов крестьянскую стихию, всю ее инстинктивную мудрость и простоту» [17, с. 158].

⁶ Заметим, что романы Л. Леонова 1930-х гг. усиливали в Адамовиче чувство горького разочарования в том, что «надежда не оправдалась». А в обобщающей статье «Двадцать лет», подводящей итоги советской литературы 1917–1937 гг., он уже без оправданий резко напишет: «Леонов, “не сдержавший обещаний” автор черновики к неосуществленным, смутно-прекрасным и даже глубокомысленным романам, писатель, на черновиках и остановившийся... Леонов не устоял, сдался. Его последние романы мелки и поверхностны» [15, с. 65, 67].

В отличие от Г. Адамовича, М. Слоним не воспринимает роман «Соть» исключительно как производственный роман, написанный в духе ведущей политической идеи: «Леонов никогда не был устойчивым человеком и писателем и всегда обнаруживал способность к некоторому приспособлению к “генеральной линии”». Впрочем, “Соть” не является целиком тенденциозным произведением, и в общем художественная ее убедительность выше авторских намерений. <...> И “Соть”, несмотря на официальный оптимизм многих ее страниц, как и все произведения Леонова, проникнута беспокойством и тоской по настоящей правде. <...> Он постоянно возвращается к тому, что для Толстого было единственным оправданием искусства: к постановке морального вопроса, т.е. вопроса о правильной жизни, об отношениях между людьми и о столкновении человека с тем, что он сам создал – с обществом и государством» [17, с. 163, 165].

М. Слоним обращается и к драматургии Леонова (пьеса «Унтиловск»), видя в ней разработку писателем темы соотношения человеческой личности и социального прогресса. Постоянное проведение в очерке параллелей между произведениями Леонова малой и большой эпической формы дает возможность критику создать целостный литературный портрет писателя, занимающегося разработкой в творчестве одной большой темы⁷.

М. Слоним, пожалуй, один из немногих, кто отмечает влияние Леонова на современную литературу. Тезис о продолжении в творчестве писателя традиций Достоевского выдвигался практически всеми критиками. Но увидеть в Леонове нового классика, чьи манеры и стиль оказывают влияние на современную литературную ситуацию и конкретно на творчество отдельных художников, удалось только М. Слониму. В очерке «Константин Федин» критик пишет о внимании художников к человеческой жизни, как к самому дорогому и важному: «Мы опять приходим к тому, что в иной форме дано у Леонова: к торжеству человечности, к победе индивидуализма, или по крайней мере к защите его в ту эпоху, когда все личное, по мнению официальных идеологов, должно быть принесено в жертву общему» [17, с. 121].

Свой очерк о Леониде Леонове М. Слоним заканчивает словами утверждения: «...в настоящий момент он является самым ярким продолжателем гуманистической линии нашей словесности» [17, с. 166].

Творчество Леонова потому так и интересовало критиков русского зарубежья, что в его прозе они видели отражение не только проблем новой революционной России, из которой они вынуждены были уехать, но и обращение к вечным, глубоким философским вопросам, носящим вневременной характер. Безусловно, эмигрантов привлекала и приверженность писателя классическим традициям русской литературы и культуры, на которых была воспитана русская интеллигенция. В Л. Леонове они видели чуть ли не единственного продолжателя этой линии в искусстве. Это было очень дорого критикам первой волны эмиграции.

Кроме того, каждое произведение было для критиков зарубежья своеобразным приветом с родного берега: «Именно потому, что живем мы за границей, мы каждый рассказ принимаем, как весть с родины, и в каждой повести ищем отражения той, русской жизни. Мы любопытствуем, какой быт отразился в произведениях Пильняка, что рассказал нам о Сибири Вс. Иванов, а о деревне Леонов. Литература превратилась для многих из нас в документ, в живую иллюстрацию газетных телеграмм, и подчас ошибки нашей художественной оценки порождены неотразимой нашей тягой к “картинкам действительности”» [18, с. 517].

Многие положения статей критиков русского зарубежья 20–30-х гг. о творчестве Л. Леонова развивались в статьях отечественных литературоведов. А некоторые из наблюдений критиков-эмигрантов своей точностью и независимостью превосходят аналитические оценки советских критиков.

Публикация архивных материалов, тщательная проработка эмигрантской прессы, издание полного собрания сочинений писателей, литераторов будет способствовать созданию полной картины литературно-критической жизни русского зарубежья и оценок ее представителями произведений русской литературы, созданных в советской России, в частности книг Л.М. Леонова. Хочется надеяться, что это будет в ближайшее время.

Литература

1. Осоргин М.А. Российские журналы // Критика русского зарубежья: В 2 ч. Ч. 1. М., 2002.
2. Руль. 1925. 6 мая. Цит. по: Алексеева Л.Ф. Ю. Айхенвальд о Л. Леонове // Русская литературная классика XX века. В.В. Набоков, А.П. Платонов, Л.М. Леонов. Саратов, 2000.
3. Святополк-Мирский Д.П. О нынешнем состоянии русской литературы // Критика русского зарубежья: В 2 ч. Ч. 1. М., 2002.
4. Мочульский К.В. Новая проза // Там же. Ч. 2.
5. Муратов П.П. Искусство прозы // Там же. Ч. 1.
6. Чхеидзе К.А. О современной русской литературе (исправленная стенографическая запись лекции, прочитанной на открытии Кружка по изучению современной русской литературы, 20. XII 1932 г., в Праге) // Гачева А.Г., Казнина О.А., Семёнова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003.

⁷ Леоноведы позднее будут неоднократно говорить об этом, замечая «очевидную преемственность образов и тем» (В.А. Ковалёв), «поразительное хронологическое, проблемное скрещение, переплетение работы над разными произведениями» (Н.А. Грознова), «прямую перекличку с другими произведениями» (Л. Финк) в творчестве Леонова.

7. Рубль. 1925. 11 марта. Цит. по: Алексеева Л.Ф. Ю. Айхенвальд о Л. Леонове // Русская литературная классика XX века. В.В. Набоков, А.П. Платонов, Л.М. Леонов. Саратов, 2000.
8. Степун Ф.А. Встречи. Мюнхен, 1962.
9. Сорокина Н.В. Литературные портреты С.А. Есенина и Л.М. Леонова в критике А.К. Воронского (особенности поэтики) // Русский литературный портрет и рецензия в XX веке. Концепции и поэтика. СПб., 2002.
10. Цит. по: Каназирска М. Загадка Леонова // Век Леонида Леонова. Проблемы творчества. Воспоминания. М., 2001.
11. Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные заметки. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931) / Предисл., подг. текста, сост. и примеч. О.А. Коростелёва. СПб., 2002.
12. Адамович Г.В. Оправдается ли надежда? // Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные заметки. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931). СПб., 2002.
13. Адамович Г.В. О литературе в эмиграции // Критика русского зарубежья: В 2 ч. Ч. 2. М., 2002.
14. Адамович Г.В. О простоте и «вывертах» // Там же.
15. Критика русского зарубежья: В 2 ч. Ч. 2. М., 2002.
16. Адамович Г.В. Двадцать лет // Критика русского зарубежья: В 2 ч. Ч. 2. М., 2002.
17. Слоним М.Л. Портреты советских писателей. Париж, 1933.
18. Слоним М.Л. Десять лет русской литературы // Литература русского зарубежья: Антология. Т. 2. 1926–1930. М., 1991.

О.А. Дашевская

ИНДИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ОСНОВА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ Д. АНДРЕЕВА

Томский государственный университет

Миросозерцание Д. Андреева опирается в своей основе на христианство, одновременно оно содержит элементы восточной (индийской) философии. Интерес к неевропейским культурам, в частности к индийской, – характерная черта русской литературы конца XIX – начала XX в., он разбужен новыми исследованиями востоковедов, появившимися в это время.

Д. Андреев указывал на индуизм как на принципиальную составляющую его мировоззрения; в «Автобиографии красноармейца Д. Андреева» особо выделен раздел «Религиозные убеждения», в котором писатель отмечает: «Из существующих религиозных систем некоторыми своими сторонами мне близки христианство и поздний индуизм» [1, с. 20]. Пр процитируем его существенное документальное высказывание: «Вообще к индийской культуре я чувствую большое тяготение и ощущаю ее как нечто родственное моей душе» [1, с. 20]. Проблема «Даниил Андреев и Индия» заслуживает подробного и серьезного разговора, опирается на большой материал творчества и эпистолярного наследия. В рамках данной статьи укажем лишь на некоторые необходимые для нас факты. А.А. Андреева отмечала в разных вариантах своих воспоминаний интерес писателя к Индии. Серьезность этих увлечений подтверждают книги из его библиотеки, конфискованные при аресте, письма, роман «Странники ночи», шуточная энциклопедия «Новейший Плутарх». На протяжении всей жизни поэта сохраняется постоянный живой интерес к этой древнейшей культуре. В письмах Д. Андреева 1950-х гг. многочисленны восхищения индийским эпосом «Махабхаратой» («...ни с чем не сравнимый народ», «сложнейшие психоло-

гические, религиозные, этические, космогонические философемы», облеченные «в ажурную вязь великолепного утонченного стиха») [2, т. 3, кн. 2, с. 66].

Приведенные высказывания позволяют предположить, почему именно индийская традиция оказалась созвучной Андрееву? Во-первых, укажем на то, что индийская философия, в отличие от западной, создавалась в поэтической форме. «Философская материя» в индийской культуре не дана нам непосредственно, а предстает в форме текстов иного типа (трактатов и стихов в том числе) [3, с. 109–110]. Тип философствования Андреева в идеале тяготеет к соединению философского и художественного. Во-вторых, исследователи отмечают, что одна из отличительных черт восточной философии – ее внеисторичность, именно в индийской традиции менее всего встречается то, что называют «историческим сознанием», или «историчностью сознания» [4, с. 15]. Индийская философия – самая мистико-религиозная система мышления, заявившая о себе именно в этом аспекте и оставшаяся в этих границах. Западное знание, начиная с античности, включает в себя мистицизм как частную тенденцию развития, устремившись к рационализму.

Цель статьи – рассмотрение некоторых аспектов антропологии Андреева, восходящих к индийскому миросозерцанию; проблема влияния индийской парадигмы мышления на творчество Д. Андреева не ставилась.

Одна из главных проблем любой философской системы – проблема смысла человеческого бытия. Она связана с вопросом об антропогенезе и онтологии человека. В основе индийских представлений о мироустройстве находится мысль о Бrame как аб-